

Усадьбы в окрестностях столицы стоили недешево, особенно те, чьи поля по большей части были плодородными. Хотя леса и не представляли особой ценности, но из-за их обширной площади общая стоимость была значительной. Что касается домов возле Экзаменационного двора, они были еще дороже, да и требовали перестройки, а столичные мастера тоже не дешево обходились!

Среди присутствующих дедушка Линь не особо занимался делами семьи, но, будучи важным чиновником при дворе, он не мог не знать о делах народа и государства. Слегка прикинув, он сразу понял примерную стоимость этих владений.

Бабушка Линь много лет была главой хозяйства. Семья Линь была богата, но, не управляя хозяйством, трудно понять, как тяжело свести концы с концами. Только ежедневные расходы такой большой семьи составляли немалую сумму; добавлялись к этому необходимые светские мероприятия и подарки, и если каждый год удавалось откладывать хоть немного, это было заслугой бабушки. Да, она всегда считала себя хорошей хозяйкой, но сейчас, казалось, она уступила своему младшему сыну.

Старший дядя Линь был наименее осведомленным в делах семьи, но он знал, сколько у него личных сбережений. Сравнив их с сбережениями младшего брата, он тут же захотел пойти просить милостыню на улице.

Бабушка Линь положила документы, выданные младшим сыном, обратно в ящик и вернула его ему:

— Ладно, твое дело, мы не будем вмешиваться, но впредь, если что-то приобретешь, сообщай.

— Хорошо, — облегченно вздохнул Линь Хэчэн.

Личные сбережения оставались в его руках, и теперь он мог готовить свадебные подарки! Хотя постойте, он даже не знал, из какой семьи его будущая жена, как он забыл спросить, кто дедушка Даньдани!

Бабушка Линь еще пару слов наказала младшему сыну и отпустила его.

Линь Хэчэн не удивился, что старший брат остался. В конце концов, его личные сбережения были мелочью, а серьезные дела даже не были затронуты.

И действительно, как только Линь Хэчэн ушел, атмосфера в комнате сразу стала напряженной.

Бабушка Линь прямо спросила:

— Как вы относитесь к тому, что сказал седьмой?

Дедушка Линь промолчал, а старший дядя Линь заговорил:

— Алхимические пилюли сейчас в моде, но пока что мы только подтвердили, что пилюли даоса Юя проблемные, да и то их давали курам. Это не доказывает, что пилюли других изготовления также проблемны, и уж тем более не подтверждает их опасность для людей. Если вынести это на обсуждение при дворе, ничего хорошего не выйдет.

Он, как человек, прошедший много лет в чиновничьих кругах, знал, что даже с тщательной подготовкой и множеством неопровержимых доказательств, случаи, когда их опровергали, были не редкостью.

— Но мы можем провести некоторые эксперименты в частном порядке. Мама, а ты еще принимаешь пилюли, которые седьмой тебе дал?

Бабушка Линь сердито посмотрела на него:

— Я не хочу проснуться посреди ночи и случайно прибить твоего отца, заведи их. В других семьях наверняка еще остались, завтра я найду повод, чтобы их забрать.

Старший дядя Линь улыбнулся:

— Тогда я заранее благодарю тебя, мама.

Пилюли были дорогими. Другие две ветви семьи Линь не были наследными, и в делах управления они не преуспели. Несколько пилюль, вероятно, стоили им немалых денег. Если бы он попросил их, они бы, конечно, отдали, но наверняка спрятали бы парочку. Но если бабушка Линь вмешается, все будет иначе. Хотя пока неизвестно, могут ли эти пилюли убить человека, но если они способны убить курицу, вряд ли они полезны для людей.

Дедушка Линь также кивнул, временно закрывая этот вопрос. Проведя столько лет в чиновничьих кругах, он знал свои возможности. Если бы он сегодня был молодым и горячим, узнав о таком, он бы сразу вступил в конфликт с даосской сектой.

Однако, хотя в даосской секте и было популярно изготовление пилюль, не все даосы этим занимались. По крайней мере, нынешний государственный учитель никогда не слышал о таких практиках. Весь Бюро астрономии в основном занимался наблюдением за звездами.

Но это правда, что в наше время почти все, кто занимается изготовлением пилюль, — даосы. Говорить, что пилюли вредны, не значит прямо обвинять даосов, но не стоит ожидать, что даосы, не занимающиеся этим, выступят против своих.

Пока что семья Линь не в состоянии поднять этот вопрос, можно лишь подготовиться. Если пилюли действительно вредны, то рано или поздно это приведет к проблемам, и тогда семья Линь сможет вмешаться. Хотя это и не совсем правильно с точки зрения морали, но сохранить себя — это необходимость.

Дедушка Линь и старший дядя Линь могли понять это, но Линь Хэчэн просто бездельничал, а вот Линь Дань, несмотря на юный возраст, почему же он не импульсивен? Хотя у Линь Дая не было титулов, он знал множество учеников и учителей. Ученые, если уж за что-то взялись, могли быть гораздо упрямее, чем чиновники. Если бы они начали шуметь, те, кто занимается пилюлями, действительно бы пострадали. Но Линь Дань этого не сделал, он лишь тайно сообщил Линь Хэчэну. Кстати, как Линь Дань узнал о вреде пилюль?

Выражения лиц троих смягчились лишь на мгновение, а затем снова стали мрачными.

Бабушка Линь разложила на столе письма, которые Линь Дань регулярно присылал домой:

— Этот почерк не принадлежит Яню.

— Это точно наш почерк, — сказал дедушка Линь.

Все члены семьи Линь, независимо от пола, начинали учиться писать под его руководством. В почерке дедушки Линь были некоторые мелкие детали, которые передавались всем, как наследственная болезнь. Все, кто носил фамилию Линь, сразу перенимали эти детали, и

избавиться от них было невозможно. Для посторонних это могло казаться просто похожим почерком, но сами члены семьи сразу узнавали его.

Старший дядя Линь смотрел на письмо, его лицо менялось:

— Но это точно Далань, он проснулся у нас на глазах, как это может быть подделкой?!

Не принято говорить о странном и мистическом. И на их нынешнем положении они никогда не принимали всерьез всякие сверхъестественные вещи. Когда Линь Хэчэн говорил, что нужно провести обряд, чтобы успокоить Линь Даня, старший дядя Линь тоже воспринял это как должное, но эта мысль быстро прошла, и он не стал ничего делать.

Кроме того, если бы с Линь Данем что-то было не так, разве даос Юй, проведший с ним столько дней, ничего не заметил?

Бабушка Линь посмотрела на мужа и сына, опустила голову и вздохнула:

— Я все эти дни думала об одном: а может, Далань — это не Далань, а сын седьмого?

Старший дядя Линь сразу вскочил:

— Мама, как ты можешь поддерживать седьмого в его глупостях!

Его сын называл другого человека отцом, и ему, как родному отцу, это было невыносимо. Если бы не то, что этот человек был его младшим братом, которого он почти считал сыном, это было бы не просто семейной шуткой, а поводом переломать ноги Линь Даню и Линь Хэчэну!

Но то, что сын и младший дядя стали ближе, было хорошим знаком. Поэтому он не торопился исправлять ситуацию, но это не значило, что он перестал считать сына своим! Даже младший брат не мог отнять у него сына!

Дедушка Линь похлопал жену по руке, затем жестом велел старшему сыну сесть и достал еще одно письмо:

— Это письмо, которое Далань прислал домой, когда собирался поступать на военную службу.

Авторская заметка:

Ху Чэ (㊦㊦): Даньдань, когда кролики родят?

Даньдань (□□): Когда придет время, родят.

Ху Чэ (㊦㊦): Даньдань знаешь, как кролики рожают?

Даньдань (□□): Знаю.

Ху Чэ (㊦㊦): Ну, давай, покажи на мне, как это происходит ♂.

Даньдань: (□ °□\(- - )

<http://bllate.org/book/17701/1652649>